

УДК 297

ОБСУЖДЕНИЕ НОВЫХ ПРАВИЛ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ЗДАНИЙ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТЬЮ В НАЧАЛЕ XX в.

И.К.Загидуллин, доктор исторических наук

Известия о поражениях российской армии в Русско-японской войне 1904–1905 гг., обострение аграрного вопроса, ухудшение благосостояния и другие факторы привели к усилению в России революционного настроения среди народных масс. Приметой общественно-политической жизни стали и протесты нерусского населения по «национально-му вопросу».

Как ответная мера на сложившуюся ситуацию в стране последовал именной «высочайший» указ Сенату от 12 декабря 1904 г., предписавший пересмотр российского законодательства, в частности вопросов, касающихся веротерпимости. Издание указа вызвало петиционную кампанию среди мусульман о разрешении на законодательном уровне наиболее наболевших проблем.

В «высочайше» утвержденном 17 апреля 1905 г. Положении Комитета Министров, изложенном в указе от того же числа, об укреплении начал веротерпимости Особому вневедомственному совещанию по делам веры было предписано разработать комплекс вопросов, касающихся исламских институтов: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке

открытия мусульманских школ – мектебе и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области; 6) о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей.

Помимо перечисленных вопросов, Особому совещанию было предложено рассмотреть также и некоторые проблемы, связанные с регулированием статуса мусульман в российском политико-правовом пространстве: 1) о предоставлении мусульманским духовным лицам звания личного почетного гражданина; 2) об изменении действующих правил по рассмотрению дел, вытекающих из семейных и наследственных отношений мусульман; 3) о преподавании ислама на родном языке верующих; 4) о пересмотре постановлений, касающихся исполнения мусульманами религиозных обрядов во время отбывания ими воинской повинности.

Следует отметить, что среди поступивших в адрес правительства обращений имелось и предложение Оренбургского магометанского духовного собрания 1905 г. о предоставлении разрешения на постройку мечетей по усмотрению религиозного органа без всякого

участия гражданской власти, кроме утверждения плана культового здания в строительном отделении губернских правлений.

Правила устройства религиозно-обрядовой жизни уммы были разработаны членом Государственного Совета действительным статским советником В.П. Череванским и были рассмотрены на Особом межведомственном совещании с участием представителей Государственного Совета, Синода, Министерств юстиции, внутренних дел и народного просвещения.

В.П. Череванский выработал законодательный проект возведения исламских молитвенных зданий, состоящий из нескольких пунктов. Предполагалось: «1. Христианскую духовную власть совершенно освободить от обязательства давать какое-либо заключение по делам сооружения мечетей. 2. Разрешения на постройку новых мечетей должны исходить от правлений по делам мусульманской веры, но не иначе как по предварительному ходатайству о том мусульманской общины, выраженному в приговоре, подписанном или утвержденном печатями или тамгами не менее половины лиц всего состава общества. 3. При составлении сего рода приговоров не должны участвовать лица мусульманского вероисповедательского персонала; кроме того, за правительственной властью надлежит сохранять право наблюдения, чтобы приговоры выражали действительно народное желание, а не служили бы только актами исполнительного перед вероисповедательским персоналом характера. 4. В местностях с крещеными, не состоявшими в мусульманстве, первые должны быть сооружаемы христианские храмы или молитвенные дома, а затем могут быть открываемы беспрепятственно и мечети мусульман. 5. Постройку мечетей мусульман вне городов освободить от требований строительного устава, подчинив их сооружение местным требованиям, относящимся к постройке обывательских домов»¹.

Проект В.П. Череванского вызвал принципиальное несогласие члена Особого межведомственного совещания А.С. Будиловича, обнаружившего в документе противоречие с существующими российскими законами. По его мнению, в случае отстранения светской власти от участия в исламском культовом строительстве, число богослужебных заведений «может возрасти до бесконечности, вопреки интересам населения, и мечети станут возникать рядом с православными храмами, что может служить соблазном для православных инородцев, нередко колеблющихся между Кораном и Евангелием»². В результате Особое межведомственное совещание под председательством генерал-адъютанта А.П. Игнатьева не смогло прийти по данному вопросу к единому мнению.

Совещание начало свою работу 29 ноября 1905 г. Обнародование к этому времени законов о Государственной думе и Совете Министров установило новый порядок делопроизводства по внесению и рассмотрению законопроектов. В частности, подлежащие ведению Государственной думы дела вносились в нее исключительно начальниками отдельных ведомств после предварительного обсуждения в Совете Министров, что явилось главной причиной ограничения деятельности Особого межведомственного совещания лишь сбором материала по вышеуказанным вопросам и выработкой «руководящих начал». Царским указом от 28 мая 1906 г. оно было закрыто, его журналы и материалы поступили в распоряжение Совета Министров, а оттуда, не ранее второй половины июля 1906 г. – в Министерство внутренних дел (МВД)³. Чиновникам данного ведомства был поручен пересмотр всех действующих законов, которые регулируют управление делами мусульман в Российской империи.

В период работы Особого Совещания и после его закрытия в правитель-

ство поступило более 500 ходатайств мусульман по самым разным аспектам жизнедеятельности исламских институтов, в том числе не учтенным в рекомендациях Комитета Министров. Чиновники министерства также приняли их во внимание при разработке нового законопроекта⁴.

В своей служебной записке по этому поводу чиновник особых поручений Департамента духовных дел иностранных исповеданий Г.Н.Тарановский отмечал: «Нельзя отрицать, что мусульмане имеют право подозревать русскую власть в намерении сдерживать размножение числа мечетей; подозрение это опирается, и не без основания, на участие русского духовенства в разрешении на постройку мечетей. Закон по этому предмету не приносит, однако, пользу ни государственной власти, ни интересам христианской церкви. Мусульмане прекрасно знают, что переход в мусульманство случается в виде единиц на десятки миллионов населения, а, следовательно, не ради охранения этой ничтожной и ненужной христианской величины установлено участие епархиальной власти в разрешениях на сооружение мечетей»⁵. Мнение Г.Н.Тарановского раскрывает новый аспект данного положения, а именно – востребованность участия в этом процессе духовной власти, которая предоставляет в руки правительства инструмент для запрета сооружения исламских богослужебных зданий в случаях, когда соблюдаются все требования закона, но постройка нежелательна по государственным соображениям.

Г.Н.Тарановский предлагал изолировать православные ведомства от исламского культового строительства, а в местностях с крещеными и «иногородцами» первоначально сооружать христианские храмы или молитвенные дома, а затем уже «беспрепятственно» разрешать возведение мечетей⁶. То есть в поликонфессиональных селениях светская

власть сама должна была создавать приоритеты для христиан и рассматривать исламское культовое зодчество как «второстепенное».

МВД довело до логического конца полученные из Особого Сопровождающего материалы, оформив свое видение проблемы в проект закона «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужения и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» от 20 февраля 1907 г., который был представлен в Государственную Думу.

Показательно, что документ был разработан без каких-либо консультаций с Синодом.

МВД отмечало, что имеющиеся в законах формальные требования о соответствии «инославных» и «иноверных» молитвенных зданий определенной численности (нормативом численности мусульман для регистрации прихода и постройки мечети являлось 200 наличных душ м.п. – *И.З.*) в данной местности жителей определенного вероисповедания «не всегда... может служить мериллом действительных религиозных потребностей населения; она, кроме того, подтверждена значительным колебанием, а также может иметь совершенно различное значение в зависимости от местных обстоятельств. Поэтому Министерство полагало бы целесообразным исключить приведенное условие из закона о надобности или ненадобности молитвенного здания»⁷.

Разрешение других вопросов, касающихся сооружения богослужебных зданий, должно быть изложено в «отдельных законодательных работах» и подлежало включению в уставы соответствующих исповеданий⁸.

В «высочайше» утвержденном журнале от 17 апреля 1905 г. Комитет Министров относительно укрепления начал веротерпимости предлагал отменить дискриминационное право гражданской власти, разрешающее или запрещающее

постройку инославных молитвенных зданий, сводя решение вопроса к трем условиям (п.13): 1) согласие надлежащего духовного начальства; 2) наличие необходимых на постройку средств; 3) соблюдение технических требований «Устава строительного», возложив на гражданскую власть констатацию этих условий⁹.

Предлагалось исключить из этого перечня второе условие как излишнее стеснение для прихожан. Вместе с тем в весьма обтекаемой форме была выражена необходимость сохранения за гражданской властью контроля над постройкой культовых зданий. Изолирование власти, не выступая прямым нарушением действующих законов, посягало, по мнению МВД, на интересы титульного населения и государства. Во-первых, было констатировано, что церковное строительство в руках «инославного» и «иноверного» духовенства нередко является средством для возвеличения престижа церкви и вероучения. В стремлении к умножению числа молитвенных сооружений духовенство часто начинает постройку, не имея в своем распоряжении достаточных средств, и затем, воздействуя на религиозное чувство прихожан, принуждает их к принятию на себя расходов, для них непосильных или надолго подрывающих их материальное благосостояние. Было заявлено, что открытие новых молитвенных зданий влечет за собой и увеличение численности духовенства порой не соответствующего потребностям жителей. Поэтому правительство, в обязанность которого входит попечение о благосостоянии российских подданных, должно вести наблюдение за тем, чтобы постройка новых молитвенных зданий в материальном отношении не была чрезмерно обременительной для населения.

Во-вторых, высказывалась мысль о нежелательности «в некоторых случаях» по государственным интересам возведения «инославного» или «иноверно-

го» молитвенного здания. В условиях России «церковь с давних пор сделалась одним из орудий национально-политической и религиозной борьбы, и в тех местностях, где сталкиваются разнородные национальности и исповедания, борьба эта нередко проявляется в очень интенсивных формах в виде стремления одной религии к подавлению другой... государство... никак не может оставаться безучастным зрителем попыток подавления и унижения господствующей православной церкви. Поэтому в тех случаях, когда обстоятельствами несомненно будет установлено, что сооружение возведено с очевидною целью унижить достоинство православной веры, правительству должна быть предоставлена возможность недопущения таковой постройки»¹⁰. Силовое ведомство, со ссылкой на открытие в Пруссии новых церквей с разрешения государства, участие гражданской власти и некоторое притеснение храмостроительства неправославных конфессий не считало стеснением свободы совести. Предполагалось отводить гражданской власти в лице губернских администраций роль третейского суда, обставленного «самыми строгими гарантиями законности и беспристрастности».

Эту функцию предусматривалось передать местному губернатору или градоначальнику, тем самым избавив центральную власть от лишнего делопроизводства. Во всех случаях отказа или же когда местное начальство по политическим или иным соображениям признавало сооружение «инославной» церкви, хотя и отвечающей всем требованиям, недопустимым, право отказа предоставлялось министру внутренних дел, которому губернатор препровождал весь пакет документов со своим заключением¹¹.

Такой рекомендуемый порядок объяснялся, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, МВД курировало духовные дела иностранных исповеданий. Во-вторых, оно как цент-

ральное правительственное учреждение, было свободно от влияния «местных условий и отношений». Такой порядок, по мнению министра внутренних дел П.А.Столыпина, мог бы быть распространен в империи повсеместно. Недовольные могли обжаловать решение министра в установленном порядке в Сенате¹².

Со ссылкой на «высочайше» утвержденное Положение Комитета Министров от 17 апреля 1905 г., в котором осуждалось всякое участие православного духовенства в делах «инославного» храмостроительства, этот взгляд был распространен на правила возведения мечетей. МВД пошло по принципу унификации правил постройки «инославных» и «иноверных» молитвенных зданий, признав «излишним стеснением» для прихожан требование о наличности средств на возведение храма. В то же время предполагалась выработка механизма ненавязчивого контроля с целью наблюдения, чтобы постройка молитвенных зданий не была чрезмерно обременительной для прихожан. Предполагалось отменить право гражданской власти разрешать или не разрешать постройку. Речь шла об оставлении в силе некоторых положений действующего законодательства, а именно: «согласие духовного начальства и соблюдение технических требований»¹³.

Проект закона о неправославном храмовом строительстве МВД 1907 г. сводился к следующим правилам:

1. Сооружение и устройство новых, предназначенных для постоянного или временного совершения в них публичных инославных или иноверных богomoлений, молитвенных зданий и помещений, а также перестройка существующих и возобновление существовавших, если этим достигается возможность вмещения в здании большого числа молящихся, разрешается губернатором при соблюдении нескольких условий: а) в случае согласия духовного начальства

этой конфессии; б) при согласии членов религиозной общины, если они не имеют установленного иерархического устройства; в) при соблюдении технических требований постройки, а также статьи 78 «Устава строительного» об особых условиях реставрации памятников древности.

2. В случае, если губернатор признавал возведение храма «не соответствующим интересам местного населения или общегосударственным пользам», то вся делопроизводственная документация, с его личным заключением, представлялась на усмотрение министра внутренних дел, принимавшего уже окончательное решение. При этом прихожане могли обжаловать его распоряжение в Сенате.

3. Перестройка, возобновление и ремонт культовых зданий, не связанных с увеличением их размера, производится без особого разрешения гражданской власти с соблюдением технических требований и вышеназванной статьи 78 «Устава строительного».

4. Сбор пожертвований на постройку и ремонт молитвенных зданий и на другие религиозные нужды производится с разрешения соответствующего духовного начальства на территории ей подведомственной, для религиозных общин, не имеющих зафиксированного законодательством иерархического устройства, такое разрешение давалось начальником губернии или области в пределах подчиненной ему административно-территориальной единицы. В остальных же случаях сбор пожертвований мог быть разрешен МВД.

К сожалению, данный законопроект, в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране и реакционным внутривластным курсом самодержавия, относительно исламского культового зодчества не получил дальнейшего хода. МВД предлагало отменить те статьи закона, которые обуславливали строительство молитвенного

здания с согласия православного епархиального начальства или его устройство на определенном расстоянии от православного храма. В действительности несколько позже в таком ключе были изменены и дополнены в соответствии с установками закона от 17 апреля 1905 г. лишь статьи, касающиеся построения христианских инославных церквей.

Власти внесли небольшое уточнение в действующее законодательство о возведении мусульманских богослужебных зданий. В атмосфере демократизации российского общества в 1906 г. на основании «высочайшего» доклада министра было разрешено возведение мечети в одном из малочисленных населенных пунктов Астраханской губернии, в 1907 г. уже было «высочайше» удовлетворено 10 ходатайств¹⁴.

Министр с докладами ездил в Царское село, где с 1905 г., в связи с болезнью наследника, уединившись от столичного высшего общества, проживала императорская семья.

Локальность рассматриваемого вопроса и фактически его формальность, самое главное – желание избавиться от малозначительной для государственных дел процедуры, вызвали, наконец, сдержанное недовольство российского государя. На листе представления «всеподданнейшего» доклада министра внутренних дел о разрешении крестьянам д. Бурыл-Айгировой Оренбургской губернии (171 душ м.п.) о постройки мечети в изъятие закона Николай II 20 января 1908 г. написал: «Согласен. Но обращаю внимание на весьма участвовавшие ходатайства»¹⁵. Это замечание подтолкнуло министра внутренних дел выработать новую схему разрешения аналогичных просьб. С учетом роста поступления прошений и принимая во внимание существование такой практики в отношении мусульман Закавказья был составлен «всеподданнейший» доклад «О предоставлении министру внутренних дел права разрешить построе-

ние магометанских мечетей при наличии менее 200 прихожан», одобренный императором 18 февраля 1908 г.¹⁶

Вскоре в Департаменте выработались критерии рассмотрения прошений от малочисленных общин: когда число прихожан составляло менее 150 душ м.п., ходатайства отклонялись сразу. Затем все ходатайства получали окончательное разрешение по усмотрению директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Министр извещался лишь в тех случаях, когда Департамент затруднялся вынести свое постановление¹⁷. Распоряжение МВД могло быть обжаловано в общем порядке в Сенате.

В 1908 г. таким путем было положительно разрешено 16 ходатайств мусульман. Пик пришелся на 1909 г. – 33 разрешенных случая, а в 1910 г. произошло четырехкратное сокращение – до 8 разрешений.

Часть ходатайств на основе заключения местного губернатора оставалась без удовлетворения. Скажем, мусульманам Уфимской губернии, по неполным сведениям, в 1906 г. министром было отказано 2 раза, в 1907 г. – 4, 1908 г. – 1, в 1909 г. – 8, в январе 1910 г. – 1 раз. Согласно подсчетам, в Департамент за период с мая 1909 г. по ноябрь 1912 г. Оренбургским магометанским духовным собранием было представлено 54 ходатайства малочисленных общин о разрешении постройки мечети. С сентября 1909 г. по 30 декабря было рассмотрено 49 ходатайств, из которых 7 признаны заслуживающими уважения, а остальные 42 проигнорированы¹⁸.

Обвинения татар в панисламизме и пантюркизме, созданное в столице министром внутренних дел П.А.Столыпиным в 1910 г. «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» и другие обстоятельства привели к тому, что не позднее января 1911 г. проект «О разрешении соверше-

ния инославных и иноверных богослужений и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» МВД взяло из Государственной думы на доработку. Было признано, что «намеченный в законопроекте единообразный порядок устройства богослужебных зданий для всех без исключения инославных и иноверных вероисповеданий не отвечает государственным интересам и противоречит общему духу нашего законодательства, ибо и с изданием законодательных актов последнего времени о свободе вероисповедания не устанавливает совершенно тождественного отношения государства как к христианским, так и нехристианским исповеданиям»¹⁹.

Таким образом, в 1905–1907 гг. состоялся своего рода диалог между властью и подданными по пересмотру традиционных государственно-религиозных отношений в духе современных требований, чему во многом способствовало понимание высшим руководством необходимости перемен. Требования и просьбы мусульман и Духовного собрания сводились к максимальному упрощению и уменьшению административного контроля за исламским культовым строительством, а также сосредоточению всех его аспектов, кроме технических, за религиозным управлением.

Нельзя не согласиться с замечанием А.А. Дорской о том, что «Работы над законопроектами, касающимися свободы совести, были блокированы, во-первых,

позицией правительства, борющегося за сохранение за православием прав господствующей церкви; во-вторых, деятельностью Государственного Совета, который не одобрил ни один из немногочисленных принятых Думой по данному вопросу законопроектов; в третьих, общим потоком дел»²⁰.

Установки Комитета Министров, изложенные в законе от 17 апреля 1905 г., создали благоприятную атмосферу и правовое поле для комплексного решения религиозного вопроса с максимальным учетом мнения народных масс. Однако взаимоотношения правительства с первой и второй Государственной думой показали кратковременность демократических настроений в высших эшелонах власти. Царизм оказался морально не готовым к наметившейся ускоренной трансформации российского общества. Тем не менее, разработку МВД нового проекта возведению, ремонту и реконструкции «инославных» и «иноверных» культовых зданий 1907 г. следует признать «высшей точкой демократического взгляда» правительства на исламский вопрос, хотя и не реализованного на практике.

Царский указ от 18 февраля 1908 г., предоставивший министру внутренних дел право индивидуально разрешать постройку мечети во вновь учреждаемых приходах с численностью менее 200 различных душ м.п., стал единственным нововведением в области исламского храмового строительства в начале XX в.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив, ф.821, оп.150, д.411, л.14.

² РГИА, ф.821, оп.150, д.412, л.7об.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.633, лл.15–15 об.

⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.633, л.15 об.

⁵ РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.13

⁶ РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.13

⁷ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.22.

⁸ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.26 об.

⁹ О веротерпимости. Закон от 17 апреля 1905 г. Изд. неофициальное. — М.: Тип. Общества И.Д.Сытина, 1905. — С.5.

¹⁰ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.47.

¹¹ РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.24 об.

¹² РГИА, ф.821, оп.138, д.128, л.24 об.

¹³ РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.9.

¹⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.714, л.82.

¹⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.703, л.28; д.700, л.155 об.

¹⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.714, лл.41–42.

¹⁷ РГИА, ф.821, оп.133, 500, лл.197 об.–198.

¹⁸ РГИА, ф.821, оп.133, д.491, лл.122–123 об., 126–126 об.

¹⁹ РГИА, ф.821, оп.133, д.500, л.197.

²⁰ Дорская А. А. Российское законодательство о свободе совести в 1905–1917 гг. / А. А. Дорская // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века (Сборник статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева) / Отв. ред. А.Н.Цамутали. — СПб.: Алетейя, 1999. — С.362.

Summary

During the period of the First Russian revolution the government developed a number of new bills for equalizing the legal status of multi religious population in the Empire. But only some of them have been put into practice. The main aspects of one of those projects («The new rules on construction, reconstruction and repairing of Christian and Nonchristian Religious buildings») has been analyzed in Ildus Zagidullin's paper.